

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 5.

2-й год издания
М А Й 1924 г.
ВОЛОГДА.

В дороге.

Из путевых впечатлений.

(Окончание).

Путь шел по берегу Белого моря: с одной стороны—море, с другой—дремучий девственный лес. Что-то величественное представлялось глазам. У берегов моря вздымались запорошенные снегом льдины. Они виднелись и в глубокой синеющей дали... Не хотелось говорить, не было желания оторваться от живописной картины моря и леса, освещенных чарующим светом луны.

Почти молча, доехали до Нижмозера. Молодой заведующий, бывший профработник, встретил меня радушно. Через несколько минут отправились оба по одной дороге: он ехал тоже в Онегу—на районное собрание, куда и я спешил.

Дорогой мой спутник обмолвился, между прочим, несколькими словами о ревизоре—механике Кошкарове.

„Недавно из уокра,—говорит он,—командирован к нам был ревизор—телеграфные линии осматривать... Сердобольный парень-то уж очень—все матушку поминает, соскучился о ней что ли он—к каждому слову—„мать“ да „мать“... Такого барина разыгрывает, что боже упаси—куда тут Хлестаков тебе... тот хоть попрличней держал себя, а этот—ну, прямо,—будто с цепи сорвался... так и гремит направо и налево... аж дрожь по коже пробегает... Скажите там в уокре-то, чтобы больше таких ревизоров не посылали, а то назад в смири-тельной рубашке отсылать будем“.

На следующую станцию—в Кянду—приехали вечером.

Кянда—большое село. Почтовое отделение находится в нижнем этаже большого двухэтажного дома. Одна небольшая комната с решеткой, столами, книгами, шкафом и телефонным аппаратом, служила местом обмена всякого рода корреспонденции. Тут мы были недолго. На сменных лошадаках покатали на последнюю станцию—Тамица.

Путь подходил уже к концу. Поздним вечером приехали в Тамицу.

Под'езжая к дому, где помещается почта, я был удивлен ружейными и револьверными выстрелами, но мой спутник пояснил мне, что это—обычное в свадебное время явление, что стрельбой встречают жениха и невесту, привезенных из церкви.

Здесь присоединился к нам и тамецкий завпред, который тоже ехал в Онегу—на районное собрание.

Приехали туда уже ночью. Ночевать пошли в помещение, где останавливаются, обыкновенно, сопровождающие почты архангельские почталюны, и где рабочком решил приютить нас—делегатов собрания.

Ночью я вознаградил себя отдыхом за длинный путь.

Онега—уездный город, чуть-ли не на половину выжженный бомбандировкой белых в 1919 г. Стоит он при устье реки Онеги, в нескольких верстах от Белого моря. Жизнь тихая, спокойная, скорее—деревенская, чем городская. Рабочих в профессиональных союзах в Онеге больше, чем в других наших северных уездных городах. Там, преимущественно, рабочие—древообделочники, работающие на лесопильных заводах Руснорвеголеса.

Районная потельконтора занимает небольшой одноэтажный дом. Ее трудно разыскать тому, кто приезжает в Онегу случайно. Вывески нет. Лишь провода, входящие в здание, показывают о пребывании в нем предприятия Связи. Внутреннее помещение кой-как приспособлено только за последнее время к производству почтовых и телеграфных операций. Сейчас хоть барьер есть, а раньше и того не было. Посетители свободно разгуливали по всему помещению. Безусловно, что требуется более приличное оборудование предприятия.

Рабочкомсвязи отдельного помещения не имеет. Объединяет работников потельконторы, телефонной сети и всех предприятий Онежского уезда—всего шестьдесят человек.

Работа могла бы наладиться, но беда только в том, что руководителей-профработников в Онеге нет. Верно, там имеются развитые товарищи, но они не брали на себя того руководства, которое с их стороны могло бы быть и могло бы благотворно повлиять на ход профессиональной деятельности. Штат потельконторы, преимущественно, подобран из молодежи. Вот она то, не руководимая дельным товарищем, работником организации, и прославилась в делах своих, о которых не раз отмечала „Северная Почта“—в делах скандальных, недопустимых в условиях нашей повседневной жизни.

Все-же начатки кой-какой работы рабочкомом были положены. По городу устраивались собрания, беседы по интересующим вопросам, собирались женщины. На местах, в мелких предприятиях, имеются уполномоченные. Благодаря телефонной связи, места информируются хорошо, находятся в курсе событий, происходящих в нашем союзном строительстве.

21 и 22-го февраля проходило общерайонное собрание. На нем присутствовало тридцать человек, в числе которых было пять представителей провинции от двенадцати предприятий.

На собрании были заслушаны доклады о международном положении СССР, работе рабочкомсвязи, райконторы и окрправсвязи. Перевыбран рабочком. Ко всем докладам присутствующие отнеслись с должным вниманием. Были приняты практические пожелания по налаживанию профессиональной и производственной работы в Онежском районе. Деятельность окрправсвязи признана удовлетворительной. Отметив отсутствие твердого руководства со стороны рабочкомсвязи, собрание поручило в дальнейшем рабочкому твердо и верно проводить профессиональную линию во всех его мероприятиях товарищеской спайкой и трудовой дисциплиной, ведя весь коллектив работников Связи района по пути улучшения своего быта, общественного, политического и производственного развития.

На другой день выехал я по тому-же тракту обратно в Архангельск. Знакомые ямщики—возчики почт разговаривали уже смелее. Они просили передать уокру и архангельской райконторе, чтобы они больше заботились о возчиках почт, защищали, если это возможно, их правовые интересы и не обижали несвоевременной выплатой причитающегося им по контракту за возку почт заработка.

„С мужиком не надо ругаться, не надо на него наседать, надо жить в мире и согласии... Хоть мужик и сер, не образован и не грамотен, но все-же хорошо понимает—что с него спрашивают, на кого работает и кому пользу приносит... Мужик знает, что казна бедна и за недорогую плату почту возит, знает, что пользу большую своему же рабоче-крестьянскому государству делает“...

Так говорили ящики чуть ли не на каждой остановке.

В Архангельск я вернулся вечером 25-го февраля. На этот путь, от Онеги до Архангельска, около двухсот пятидесяти верст, было потрачено при возвращении только двое суток. Это лишний раз подтверждает слова мужиков, что они „за совесть почту взяли“, что они в праве рассчитывать на более простые трудовые взаимоотношения с органами нашего ведомства, продолжающего по старинке осложнять эти взаимоотношения много говорящими, широковещательными кон-трактами.

Вечером следующего дня мне, по счастливой случайности, удалось присутствовать на общем собрании работников Архангельской телефонной сети.

На собрании обсуждался отчетный доклад рабочкома и производились перевыборы. Работа рабочкома собранием признана удовлетворительной, был внесен ряд практических предложений к оживлению союзной деятельности.

Жизнь работников телефона, видимо, совсем иная, чем жизнь работников потельконторы. Она близка к новой жизни, построенной на началах товарищества и свободного коллективного творческого труда.

Телефонная станция занимает приличное помещение. Оборудована, сравнительно, хорошо.

Архангельский телефон, по своему ли более северному темпераменту или по другим каким причинам, менее капризен, чем вологодский, с которым дело иметь—большое терпение надо, ибо аппараты вологодские глухотой страдают.

Вместе с райправсвязцами побывал и в Соломбале.

Соломбальская потельконтора расположилась не совсем „удобно“: в помещении холодно, требуется порядочный ремонт. С рабочим временем „грешат“, перерабатывают. Сверхурочную работу компенсировать выходными днями, при наличном штате, не могут.

В связи с развитием деятельности, штат ее в 11 человек является недостаточным.

Двадцать восьмого февраля, вечером, в Архангельске было проведено общегородское собрание, собравшее 152 работника, обслуживающих предприятия Связи города Архангельска.

Собрание заслушало доклад заврайконта и разрешило другие вопросы союзной жизни, стоявшие на небольшой повестке дня. Оно отметило по докладу заврайконта все те ненормальности, о которых сказано было выше—о моих первых впечатлениях в архангельской потельконторе.

С первым отходящим поездом из Архангельска я выехал в Вологду.

В заключение приходится сказать, что союзная работа на местах значительно оживилась. Союзу необходимо лишь больше уделить внимания на обслуживание своих членов, разбросанных по мелким предприятиям нашего обширного Севера. Союзным органам и всем членам союза следует также вплотную подойти к делу организации производства, ибо наблюдающиеся перебои в работе аппарата Связи обязывают их к этому.

Только при дружной работе всех вместе и каждого в отдельности может быть обеспечена правильная организация дела Связи и нормальная жизнь его аппарата.

М. Ганичев.

